

Но чаще всего чемпионаты устраивали на цирковых аренах. Причины тому следующие: во-первых, цирк всегда был близок к спорту; во-вторых, обычно в городе цирк был самым вместительным зрительным залом, в-третьих, мягкое покрытие арены спасало от ушибов и травм, и, наконец, в-четвертых, круглый цирковой амфитеатр наиболее удобен для восприятия всех тонкостей борцовских схваток.

Тем не менее борьбу нельзя отнести к разряду специфических цирковых жанров — это сфера спорта, а не искусства. Когда же борьбу пытались театрализовать, она часто опошлялась и, не приобретя подлинной художественности, теряла спортивность. Ниже об этом будет сказано подробнее. Борцы, как правило, не входили в состав цирковой труппы: первые два отделения шла цирковая программа, третье отводилось борьбе. Руководитель чемпионата получал от директора цирка определенный процент от сбора.

В чем же была причина успеха борьбы? Почему она получила такое широкое распространение? Прежде всего, этим она обязана развитию спорта. Справочное издание сообщало, что только в Москве в 1910 году насчитывалось тридцать две спортивные организации. Столько же, если не больше, было кружков в Петербурге. Существовали спортивные союзы и кружки также в провинции. Во многих из них культивировали тяжелую атлетику, тогда включавшую борьбу, бокс и поднятие тяжестей, причем борьба занимала доминирующее место.

В 1898 году в Петербурге в манеже графа Г.И. Рибопьера проходил Первый всероссийский чемпионат по борьбе. Впрочем, всероссийским он был весьма относительно, так как из иногородних участвовали только два рижских спортсмена.

В апреле 1898 года был проведен Второй всероссийский чемпионат по борьбе; в нем наряду с любителями выступали профессионалы. В 1899 году Велосипедно-атлетическое общество, во главе которого стоял В.Ф. Краевский, провело в Михайловском манеже международные соревнования по борьбе. В 1900 году в том же Михайловском манеже в Петербурге состоялся Первый международный чемпионат по борьбе. В 1904 году в цирке С. Чинизелли начал выступления во главе группы борцов чемпион мира француз Поль Понс. Через год Атлетическое общество организовало и провело в цирке Чинизелли первый международный чемпионат среди борцов-профессионалов. С этого времени профессиональная борьба получает особенно большое распространение.

Н. Шебуев писал: «Ни одно зрелище сейчас не привлекает так публику и не волнует так зрителей, как борьба». Конечно, борьба увлекает как спортивное соревнование, в ней есть азарт, страсть, активное стремление к победе. И каждая борцовская схватка — своеобразная и волнующая премьера. И все же это не в полной мере объясняет, почему именно в предреволюционные годы так вырос интерес к борьбе. И здесь мы обращаемся к предисловию А.А. Блока, написанному им к поэме «Возмездие». Поэт писал:

«1910 год — это смерть Комиссаржевской, смерть Врубеля и смерть Толстого. С Комиссаржевской умерла лирическая нота на сцене; с Врубелем — громадный личный мир художника, безумное упорство, ненасытность исканий — вплоть до помешательства. С Толстым умерла человеческая нежность — мудрая человечность... Уже был ощутим запах гари, железа и крови. Весной 1911 года П.Н. Милюков прочел интереснейшую лекцию под заглавием «Вооруженный мир и сокращение вооружений». В одной из московских газет появилась пророческая статья: «Близость большой войны». В Киеве произошло убийство Андрея Ющинского и возник вопрос об употреблении евреями христианской крови. Летом этого года, исключительно жарким, так что трава горела на

корню, в Лондоне происходили грандиозные забастовки железнодорожных рабочих, в Средиземном море — разыгрывался знаменательный эпизод «Пантера Агадир».

Неразрывно со всем этим связан для меня расцвет французской борьбы в петербургских цирках; тысячная толпа проявляла исключительный интерес к ней; среди борцов были истинные художники; я никогда не забуду борьбы безобразного русского тяжеловеса с голландцем, мускулистая система которого представляла из себя совершеннейший музыкальный инструмент редкой красоты.

В этом году, наконец, была в особенной моде у нас авиация; все мы помним ряд красивых воздушных петель, полетов вниз головой — падений и смертей талантливых и бездарных авиаторов.

Наконец, осенью в Киеве был убит Столыпин, что знаменовало окончательный переход управления страной из рук полудворянских, получиновничьих в руки департамента полиции».

То, что Блок ставит борьбу в один ряд с важнейшими политическими, общественными и художественными событиями, характерно. На самом деле, после поражения революции 1905 года депрессия охватила значительную часть русской интеллигенции. Безвольное и бессильное общество особенно тосковало по силе, искало силу, опьянялось ею на борцовских соревнованиях. С другой стороны, усиленно готовясь к войне, правительство и буржуазные классы всячески пропагандировали русскую мощь, ломающую всякую противоборствующую ей силу.

Однако при этом нельзя забывать, что сила всегда вызывала восторг у самых широких масс народа. Силой гордились, ее прославляли. В силе видели ту потенциальную возможность, которая рано или поздно разрушит мир несправедливости. Знаменитая «Дубинушка» также прославляет прежде всего силу. В борьбе все равны. Здесь все решает сила, и только она.

Теперь несколько слов об особенностях профессиональной борьбы. Прежде всего, в ней нет деления борцов на весовые категории. Профессиональная борьба отрицает ничьи, она знает только победы и поражения. Первая схватка ограничивается, если победа не наступает раньше, двадцатью минутами, вторая — сорока минутами, третья, так называемая бессрочная, продолжается до результата. Победитель должен заставить своего противника не только коснуться лопатками ковра, но и удержать его на лопатках на протяжении трех-четырех секунд. Перекат через лопатки за поражение не засчитывается. Разрешены некоторые приемы, запрещенные в борьбе любительской: среди них — двойной нельсон и «макароны» — удары по шее и по спине противника ладонями и предлоктевым суставом. Как в любительской, так и в профессиональной французской борьбе запрещены захваты ниже пояса, удары головой, выламывание суставов, удушение, подножки.

Но главное в профессиональной борьбе состоит в следующем: ни один атлет не может изо дня в день вести борьбу, да еще с сильными противниками, да еще на протяжении двадцати, а то и более минут. Поэтому борцы-профессионалы заранее договариваются о результате схватки и даже о том, какие приемы они будут применять. Это дает им возможность работать смело, свободно, не опасаясь поражения.

Такая борьба с заранее предрешенным результатом называется на профессиональном языке «шике», ей противостоит борьба «бур», то есть настоящая спортивная борьба.

Не следует думать, что борьба шике — это всегда жульничество. На тренировках борцы познают силу друг друга и понимают, кому в результате должна достаться победа. Выступая перед публикой, они показывают, так сказать, модель настоящей борьбы, но модель, украшенную разными эффектами. При всех условиях профессиональный борец должен быть человеком сильным, смелым и хорошо владеющим техникой борьбы. Возможны вызовы из публики, от которых нельзя отказываться. В азарте схватки двух профессионалов противник может перейти от шике к буру, начать «бурить», как говорят профессионалы. Да и для того, чтобы каждый день проводить шике, необходимы незаурядная сила, ловкость и мастерство.

Откуда пришло в цирк первое поколение борцов? Начинать бороться кое-кто из артистов, но чаще всего борцы выдвигались из числа грузчиков, молотобойцев и представителей других профессий, требующих незаурядной силы. Типичной можно считать биографию борца Дмитриева. С десяти лет он работал конюшенинским мальчиком. Его хозяева Ф.С. и Л.С. Калмыковы увлекались гиревым спортом и постепенно втянули в это занятие молодого человека. Когда в город приехал цирк Коромыслова, Дмитриев сделал вызов атлету Елисееву. В Ирбите он вступил в чемпионат, работавший в цирке С.Ф. Павлова. В дальнейшем он то боролся в чемпионатах, то делал вызовы, теперь уже фиктивные, для того чтобы поднять интерес к борьбе. Дмитриев рассказывал, как по договоренности с руководителем чемпионата надевал он картуз, красную рубаху под пиджак, то есть изображал мастерового, и отправлялся на галерку. «Ну вышел чемпионат, и начал арбитр представлять Михайлова как победителя Поддубного на поясной борьбе. Я выбежал с галерки и кричу: «Ежели он такая знаменитость, так вот, я желаю с ним бороться и ставлю за себя сто рублей, что брошу его точно на заказ».

Среди борцов-чемпионов мира первое место принадлежит, бесспорно, И.М. Поддубному. Это был, безусловно, борец мирового класса, охотно «буривший» с самыми выдающимися русскими и иностранными борцами и обычно клавший их на лопатки.

Поддубный пришел из деревни в Севастополь на заработки. Став старшим рабочим в фирме «Ливас», самостоятельно начал заниматься спортом. Потом переехал в Федосию. Когда в 1897 году сюда прибыл цирк Бескоровайного, Поддубный начал бороться на поясах (русско-швейцарская борьба). Так же, на поясах, он боролся и в цирке Труцци. На молодого борца обратил внимание доктор Гарнич-Гарницкий, возглавлявший в Киеве кружок тяжелой атлетики. Под его руководством Поддубный стал изучать приемы французской борьбы. Потом спортсмен занимался в Петербургском обществе атлетов, где его три месяца тренировал артист Эйжен, в прошлом профессиональный борец. В 1903 году Общество атлетов отправило Поддубного в Париж для участия в соревнованиях. При росте 184 см, охвате груди 134 см, пояса 103 см, бицепсов 50 см русский богатырь весил 120 кг. Обладая колоссальной силой и великолепным мышечным аппаратом, Поддубный в то же время отличался быстротой реакции и хорошо проводил самые сложные приемы. Это был умный борец, рассчитывавший свои силы и хорошо ориентировавшийся в возможностях противника. Ко всему этому, как утверждал Гарнич-Гарницкий, у Поддубного было неопределимое для каждого спортсмена качество — спортивное сердце не только в физиологическом, но и в психологическом плане. Этот борец был способен в нужные минуты колоссальную энергию, «подобную взрыву и не терять в «кураже» в самые тяжелые и опасные моменты борьбы».

В 1905 году, выступая в чемпионате у Чинизелли, Поддубный занял первое место и был объявлен чемпионом мира. С тех пор он постоянно в цирковых чемпионатах занимал первые места.

Другим выдающимся борцом и, бесспорно, выдающимся артистом был И.М. Заикин. Родился он в селе Верхнее Талызино Симбирской губернии, в семье бурлака. В 1889 году семья Заикиных, гонимая голодом, переехала в Самару. Девятилетний Иван Заикин пошел поводырем к слепому, просившему подаяние, потом служил подпаском у уральских казаков, рабочим на мельнице, грузчиком на пристани. Попал в цирк, сделал вызов борцу Снежкину и победил его. Заикиным заинтересовался К.И. Меркурьев, владелец нефтяной фирмы, сам любивший побаловаться гирями и побороться. Он взял молодого силача к себе в рассыльные, а в 1902 году отправил на свой счет в Петербург, где Заикин некоторое время занимался на арене графа Рибопрьера. Меркурьеву было лестно, что его служащий — такой силач. В 1904 году Заикин поступил в цирк Яковлева, гастролировавший в Твери; здесь встретился с Поддубным. На протяжении шести лет Заикин работал в цирке Никитиных, впоследствии он написал: «Собственно говоря, цирк Никитина сделал из меня всесторонне развитого тяжелоатлета, а не просто борца, знающего одно дело — борьбу».

На арене Заикин выступал как исполнитель тяжелоатлетических номеров, носил на плечах якорь весом в 25 пудов, на его плечах гнули железную балку и даже ломали телеграфный столб. На лежавшего на арене атлета клали доски, и по этим доскам проезжал автомобиль с пассажирами. Он любил театрализовать свои атлетические номера. В.Е. Лазарено вспоминал: «Оркестр играл «Эй, дубинушка, ухнем». Из-за кулис появлялся Заикин в русской рубахе и лаптях, и на плечах он нес необычайно большой бочонок. Обносил кругом арены. Потом у него снимали бочонок, и он рассказывал публике свою биографию. Рассказывал, как он из грузчиков саратовской пристани попал в чемпионат, как он сделался чемпионом мира».

Высокую оценку Заикину давал писатель А.И. Куприн, сам сильный человек и любивший силачей. Он писал Заикину в 1925 году: «А ведь ты, Ваня, первый показал, что в борьбе надо иметь в своем багаже, кроме силы и смелости, еще и расчеты и мягкость, понимание души противника и снисходительность, и мудрую экономию во всех своих средствах, и многое другое, что давно поставило тебя борцом вне класса». Куприн вспоминал, как мечтал Заикин организовать питомник физической культуры.

Иван Шемякин окончил Петербургское городское училище, служил солдатом в гвардии, рабочим на железной дороге. Занимался в кружке Краевского и по его настоянию перешел на цирковую арену. Иван Романов родился в Риге, в рабочей семье и сам работал на заводе, где был создан спортивный кружок, ставший для него школой. А оттуда прямой путь вел на арену.

Иван Чуфистов — крестьянский сын, родом с Рязанщины. Переехал в Одессу и поступил на конку в качестве конюха. Перебрался в Москву, начал заниматься в спортивной школе Чаплинского и перешел в чемпионат. С 1908 года Чуфистов — профессиональный борец. П.М. Янковский (Папаша) — выходец из обедневшей семьи польских дворян. Атлетикой стал заниматься в лейб-гвардии уланском полку, где служил вахмистром.

Николай Вахтуров, один из немногих учеников Поддубного, человек феноменальной силы, окончил сельскую школу, с борьбой познакомился в Петербурге, где служил в гренадерском полку. Став профессиональным спортсменом, Вахтуров писал: «Я люблю борьбу больше всего на свете, люблю так, как художник любит свою картину, композитор любит свое музыкальное детище, артист — свою выигрышную роль».

Несколько особняком стоял П.Ф. Крылов. Его отец был управляющим на винном заводе, и Крылов учился сначала в гимназии, а потом в реальном училище. Окончил он также

мореходные классы, получив специальность штурмана. Но его всегда влек силовой спорт. В юности Крылов упражнялся дома утюгами и поднимал гири в торговых лабазах. В 1898 году пришел на спортивную арену Кистера. Еще раньше, в 1895 году, бросив штурманское дело, начал как атлет выступать в балагане Лихачева в Москве на Девичьем поле. С этим же балаганом поехал в провинцию, показывал упражнения с гириями и вызывал бороться на поясах всех желавших. Перешел в цирк Камчатного, где выступал в день до пятнадцати раз да еще стоял на раусе. Какая для этого нужна была сила и какое здоровье! От Камчатного Крылов в Уфе перешел к Боровскому, с его цирком колесил по Сибири. В 1906 году вступил в чемпионат, действовавший в варшавском цирке А. Чинизелли, и здесь начал обучаться французской борьбе.

Крылов был фанатиком силы. Однажды кто-то из зрителей назвал его быком, и Крылов ответил: «Этот господин говорит, что я бык... Хотя я человек интеллигентный, но работаю на арене, потому что люблю силу. А в общем я нахожу, что лучше быть сильным быком, нежели слабым ослом, хотя бы в чиновничьей фуражке, как сей субъект».

Спора нет, борцы сыграли известную и даже значительную роль в деле развития спорта в России. Там, где они выступали, возникали спортивные союзы, общества, арены. Выходя из чемпионатов, борцы зачастую становились тренерами. В царской России именно борцы вели наглядную агитацию за физическое развитие человека, за его физическую красоту. И нельзя не согласиться с Г.Г. Лурихом, одним из выдающихся борцов и гиревиков: «Атлет-профессионал, атлет, любящий и уважающий свои занятия, возвышающий свой любимый спорт на степень искусства, является пионером в деле повышения красоты и силы тела».

Дело в том, что борьба и атлетика, показывавшиеся в цирке, нередко профанировались и опошлялись. И в связи с этим следует назвать имя И.В. Лебедева (Дяди Вани), сделавшего для пропаганды борьбы чрезвычайно много и в то же время сыгравшего в ее истории роковую роль. Лебедев был организатором чемпионатов и арбитром (судьей) борцовских схваток. Популярность его была огромна. Ученик Краевского, студент юридического факультета Петербургского университета, человек большой силы, невысокий, но крепко сбитый, красивый, обладатель великолепного голоса, Дядя Ваня буквально пленял зрителей. Он выступал в русской поддевке, лакированных сапогах, поверх жилета надевал массивную золотую цепочку с множеством брелочков. Но на голове Дядя Ваня носил студенческую фуражку. И в этом был особый шик, особый тон.

О нем писали: «Дядя Ваня по-прежнему добродушен, массивен и стилин».

У него все тот же задушевный голос и богатство интонаций, которым позавидовал бы любой актер.

И в самом деле он большой актер».

Известный советский цирковой артист А.Н. Ширай, много раз видевший Дядю Ваню и хорошо его знавший, говорил: «Режиссерским талантом Дядя Ваня обладал недюжинным, и фантазии ему было не занимать. Он изобрел «амплуа» борцов — «любовников», «зверей», «комиков». На представлении он умел доводить зрителей до неистовства. Самые солидные буржуа колотили кулаками по барьеру лож и кричали: «Неправильно». И чопорные, осыпанные бриллиантами супруги вели себя не лучше».

Собственно, актерское и режиссерское начала, счастливо сочетавшиеся в Дяде Ване, частенько подводили его как спортсмена. Он мечтал о театре и даже делал попытки держать антрепризу, режиссировать и играть. В театре он больше всего любил мелодраму

с ее сильными страстями и удивительными эффектами. И если можно так сказать, мелодраматизировал чемпионаты. Дядя Ваня впервые выступил как арбитр в 1905 году, и он первый, во всяком случае в России, ввел парады. Все борцы выходили на арену, становились полукругом, а арбитр представлял их публике. При этом каждый борец должен был держаться установленного для него характера, играть определенную роль. Представляя борцов публике, Дядя Ваня наделял их такими удивительными званиями, титулами, прозвищами, что оставалось только диву даваться. Дядя Ваня ввел за правило проводить борьбу под музыку. В руководимых им чемпионатах борцы стали постоянно бороться под масками (на профессиональном языке — под чулком, под шапито), естественно этим еще больше интригуя зрителей. Борец обязан был снять маску в том случае, если оказывался побежденным. Каких только не было масок: «Красная», «Черная», «Золотая», маска «Инженер», «Металлист», «Красный полумесяц» и тому подобное. В каждом чемпионате обязательно один или несколько борцов боролись под масками.

Дядя Ваня привлекал в свои чемпионаты великанов, толстяков, иногда физически слабых, вовсе не способных к борьбе, но эффективно выглядевших в параде. Он сам писал об одном из таких борцов, Франце Бенковском (Циклопе): «В сущности говоря, хорошим борцом он никогда не был и устрашал всех и вся своими размерами и своими атлетическими трюками». В жизни человек добродушный, Циклоп на арене играл человека-зверя: обильно раздавал «макарены», особенно легковесам, рычал. В то время, когда Циклоп боролся, возмущенная его поведением публика бросала на арену палки, зонты, бинокли и даже картошку.

А вот рассказ Дяди Вани, относящийся к 1907 году: «Недавно закончилась война с Японией, и, стало быть, бесспорным аттракционом стал бы японский борец. Но не выписывать же японского борца из Токио».

В это время один китаец открыл в Петербурге пивную и прогорел. Дядя Ваня встретился с ним.

— Как зовут?

— Борис Иванович Жандорфу.

— Китаец?

— Да.

— Согласен быть японцем?

— Мне все равно, потому что моя пивная прогорела.

— И будешь ты теперь уже не Жандорфу, а Кацукума Саракики. Согласен?

— Согласен».

«В течение недели, — продолжал рассказ Дядя Ваня, — пробовал я его учить некоторым приемам, но вижу, что в схватках с ним самое главное — держать его самого, чтобы он не свалился нечаянно с ног».

И Дядя Ваня решил из Саракики сделать «чудовищного грифера».

«Вот так, говорю, ты с каждым борцом будешь бороться: минуты две-три держи его за руку, затем бери противника в обхват под мышки, подними его и сразу на пол. Да не бойся, борец сам постарается упасть на обе лопатки.

Весь 1907 год прошел у меня под знаком Саракики».

Свои воспоминания Дядя Ваня закончил так: «Ведь и до меня борьба на девяносто процентов шла с ранее предрешенными результатами... я внес только больше художественной отделки и культуры в театрализацию».

Конечно, Дядя Ваня стремился заинтересовать публику своими постановками, в этом был для него смысл всей деятельности. Но прежде всего он был спортсмен, спортивное начало для него всегда оставалось существеннейшим в чемпионате.

При всех фокусах в результате победителем чемпионата всегда выходил сильнейший. «Это художник атлетического спорта, — говорил журналист, — ему доставляет больше удовольствие самому следить за схваткой интересной пары, он весь загорается вниманием».

Организацией чемпионатов занимался не один Лебедев. Но в других чемпионатах дело, как правило, обстояло хуже. Хозяевами многих чемпионатов были сами борцы, и они, естественно, не хотели кому бы то ни было проигрывать. В результате они, по существу, сами себя награждали чемпионскими лаврами. П.Д. Ярославцев, в прошлом спортсмен и арбитр в профессиональных чемпионатах, в 1913 году выпустил брошюру, в которой писал: «Чемпионом мира теперь называют себя свыше ста борцов, но ни один из них не имеет на это никакого права, так как этими званиями он наградили сами себя в своих чемпионатах, борцы которых ложились под этих «знаменитостей» по их же приказанию».

Но чаще всего во главе чемпионатов оказывались откровенные дельцы: Петров, Мейер, Векштейн, Рафаэль и другие. Единственным богом для них была нажива, и они ради нее шли на любое опозление борьбы. Вот до чего доходило. Борец Ф.Ф. Бесов объявлял, что он плечом сдвинет с места паровоз (!!!), не больше, не меньше! Другого борца, Робине-Хасаева, объявляли диким человеком и водили по городу в цепях. Он сообщал, что поднимет котел весом в 90 пудов, будет бороться с разъяренным быком и львом. Борец де Фосс (Николаев) на всю Россию славился своими скандалами. На арене перед борьбой на потеху публики он съедал поросенка и выпивал четверть водки. Когда де Фосс боролся, трико лопалось и оттуда начинали сыпаться опилки.

В профессиональной борьбе все приемы считались хороши, лишь бы они нравились публике или какой-то ее части. Борец Меделаури, работавший в цирке Грикке в Харькове, действовал руками, ногами, головой и даже кусался. Публика, посещавшая рязанский цирк Гореца, «собиралась поднести борцам Торквемаде и Михелю Майеру по хорошему наморднику — чересчур злы».

Полиция оказалась вынуждена закрыть чемпионат в петербургском Новом цирке (дирекция Злобина), «так как борцы усвоили хулиганские манеры, которые переносили на арену».

Уже в самом выходе борцов было что-то грубое, жестокое, дикарское. «они выползают, как автомобили, нагнувши лбы, раскачивая руками».

У некоторых есть порядочные лысины, у некоторых порядочное брюшко».

А в каких ужасных условиях приходилось зачастую бороться. Из Нежина, где гастролировал цирк Орлова, сообщали: «Хороший наш город для борьбы, любим мы борьбу, как сильный спорт, но сидеть в сильные морозы под парусиновой крышей... бр-бр! И публика мерзнет, и борцы от холода исполняют во время парада какой-то замысловатый индейский танец. Манеж мерзлый, и борются не на ковре, а на куске брезента».

А.И. Куприн писал И.М. Заикину: «Публика жаждет увидеть зрелище, как разобьется, искалечится, угробится на тресе...

<p>И силой ее не удивишь. Ведь есть же эффектные, вовсе не трудные, но сногшибательные номера. Ими ее удивишь гораздо больше, чем сверхъестественным напряжением или мировым, но спокойным рекордом. Лучше меня ты это знаешь».

Но тот же Куприн восхищался подлинно красивыми борцовскими схватками, которых, право, было немало, пусть даже они были «шике», когда «после неуловимого шепота победителя «сдавайся», зритель весь впиивается в последний аккорд борьбы, какое-нибудь бра руле или тур де тет».

Хорошо организованный чемпионат — это труппа с достаточно точным распределением по амплуа. Вот запись человека, безусловно хорошо знавшего чемпионат И.М. Заикина. Он отлично подобрал состав: «Был трагик Жак Сабатье, француз, около девяти пудов веса, смешно раскланивавшийся на парадах и кровожадно кидавшийся на противника, зачастую заматывавший его до бесчувствия и... в то же время беспрекословно ложившийся под кого и когда ему прикажет Заикин. Был легковес Форст, показывавший поистине чудеса техники, так как во время борьбы ему противник помогал делать тот или иной прием. Был негр Бамбулла с острова Мартиника, залпом выпивавший бутылку коньяку, выкатывавший глаза и «работавший» на ролях комика.

И, наконец, была, так сказать, группа любовников, к числу относился Иван Заикин, самоуверенный Франц Миллер и замечательно красиво сложенный, с классическим лицом римского патриция Гирш Бродский».

Профессионалы делили участников чемпионата на три основные группы: чемпионов, или гладиаторов, апостолов и яшек. Первые, наделенные большой силой и владеющие техникой борьбы, претендовали на призовые места; апостолы — борцы с хорошими фигурами — давали возможность чемпионам выявить свою квалификацию и, наконец, яшки, иногда их презрительно называли подкладкой, — это или старики или совсем неопытные молодые борцы, которым предписывалось ложиться на лопатки.

Помимо борьбы участники чемпионатов показывали атлетические номера: упражнялись со штангой и гириями, поднимали людей, гнули на плечах железные балки. Через груд атлета проезжал автомобиль. Первым этот трюк показал Александр Шнейдер. Популярен был номер «Адская кузница». На грудь атлета ставили наковальню, и на ней кузнечными молотами ковали железо. Или же разбивали на груди атлета громадный камень. Для исполнения подобных трюков требовалась незаурядная сила, но необходимо было знать и некоторые секреты, благодаря которым исполнение атлетических номеров значительно облегчалось.

В чемпионатах иногда пробовали демонстрировать приемы национальной борьбы, так же как и бокс, но делали это крайне неумело, зачастую дело сводилось к простой халтуре. Исключение составляла исландская борьба Глима, ее показывали Иозефсон и его ассистенты. В этой борьбе широко используются подножки и болевые приемы. Очевидец вспоминал, что Иозефсон вызывал всех желающих с ним бороться, и «смешно было видеть, как его молниеносные подножки скашивали смельчаков или сомневающихся».

И еще одно «спортивное» мероприятие проводилось в цирке — чемпионаты женской (дамской) борьбы. Первый такой международный чемпионат проходил в Москве в саду «Аквариум» в 1907 году. Потом на протяжении многих лет дамский чемпионат, считавшийся «лучшим», возглавлял Алекс Миллер. Профессиональный журнал правильно отмечал: «Для мышинных жеребчиков и молодящихся старичков, равно как и для оставшихся на второй год гимназистов, это зрелище, достойное всякого внимания».

И, давая отчет о дамской борьбе, сотрудник газет сообщал: «Борчихи тренированы очень скверно, приемы и парады делаются ими нечисто, незаконченно, неумело».

Само собой разумеется, что благодаря этому вместо изящного демонстрирования тех или других приемов борьбы получается в высшей степени некрасивая возня двух растрепанных существ женского пола, напоминающих ведьм из «Макбета».

Дело дошло до того, что в Ярославле в цирке в одном чемпионате боролись борцы и борчихи и они устраивали схватки друг с другом. Конечно, это была откровенная похабщина.

Так под влиянием вкусов буржуазной публики цирковая борьба все больше опошлялась. Хотя, конечно, были в ней и здоровые спортивные начала, а среди борцов — истинные спортсмены. В какой-то мере цирковая борьба служила пропаганде физической культуры. Но и дурного несла также достаточно.